

from XVI–XVII century. This relations are explicates by the studies of theoretical conceptions of French philosophers XX c. (M. Foucault, J. Derrida, J. Lacan). The author distinguishes three elements in anatomy structure: the gaze, the symbolic and the writing. All elements studied as linguistics elements from two aspects: diachronically and synchronically.
Key words: anatomy, discours, Rembrandt van Rijn, structure, philosophy.

References

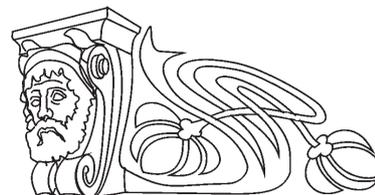
1. Kirilenko E. Fenomen evropeyskoy meditsiny v gorizonte neklassicheskoy kultury (The phenomenon of the European medicine in non-classic period of culture). *Vestn. Tomsk. gos. un-ta* (Tomsk State University Gerald), 2008, no. 309, pp. 52–58.
2. Shesterikova O. Formirovanie i razvitie meditsinskogo diskursa v epokhu Novogo vremeni (The organization and evolution of medical discourse in Modern History). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Vopr. teorii i praktiki* (Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culture and Study of Art. Issues of Theory and Practice), 2013, no. 4 (30): in 3 parts. Part III, pp. 179–183.
3. Shesterikova O. *Transformatsiya meditsinskogo diskursa v sovremennoy evropeyskoy culture: avtoref. dis. ...kand. filos. nauk* (The transformation of medical discourse in contemporary European culture: author. of thesis PhD in Philosophy). St.-Petersburg, 2014. 24 p.
4. Tarasov Y. Dva gruppyokh portreta kisti Rembrandta – «Urok anatomii doktora Tulpa» i «Urok anatomii doktora Deymana» (Two pictures of Rembrandt «The lesson of anatomy of dr. Tulp» and «The lesson of anatomy of dr. Deyman»). *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* (Saint Petersburg University Gerald), 2013, no. 4, pp. 130–136.
5. Afek A., Friedman T., Kugel C., Barshack I., Lurie Dj. Dr. Tulp's anatomy lesson by Rembrandt: the third day hypothesis. *Israel Medical Association Journal*, 2009, vol. 11, pp. 389–392.
6. Masquelet A. The anatomy lesson of dr. Tulp. *Journal of hand surgery*, 2005, vol. 30B, no. 4, pp. 379–381.
7. Mikhel D. Vlast, znanie, mertvoe telo (Power, study, corps). *Logos(Logos)*, no. 4–5, pp. 219–233.
8. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966. 404 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St.-Petersburg, 1994. 406 p.).
9. Le Goff J. *Une histoire du corps au Moyen-Âge*. Paris, 2003. 200 p. (Russ. ed.: Le Goff Zh. *Istoriya tela v srednevekovie*. Moscow, 2008. 189 p.).
10. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* (The will to verity: beyond the study, power and sexuality). Moscow, 1996. 448 p.
11. Barthes R. *L'empire des signes*. Paris, 1970. 157 p. (Russ. ed.: Bart R. *Imperiya znakov*. Moscow, 2004. 144 p.).
12. Klimanova A. *Otnoshenie vidimogo i skazannogo v konceptsii znaniya M. Fuko* (The correlation of what is seen and what is said in the concept of M. Foucault study). *Fen-nauka* (Fen-science), 2013, no. 11, pp. 22–24.
13. Lacan J. *Le séminaire de Jacques Lacan. Livre I: Les écrits techniques de Freud*. Seuil; Paris, 1975. 316 p. (Russ. ed.: Lacan Zh. *Seminary. Kn. 1: Raboty Freyda po tekhnike psikhoanaliza {1953/54}*. Moscow, 1998. 432 p.).
14. Lacan J. *Le séminaire. Livre II: Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse*. Seuil; Paris, 1977. 464 p. (Russ. ed.: Lacan Zh. *Seminary. Kn. 2: «Ya» v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza {1954/55}*. Moscow, 1999. 520 p.).
15. Pechenina O. Funktsii realnogo, voobrazhaemogo i simvolicheskogo v kommunikativnoy modeli struktornogo psikhoanaliza Zh. Lacana (The function of the real, imagine and symbolic in model of communication of structural psychoanalyses of J. Lacan). *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* (Saint-Petersburg State University Gerald. Ser. 6. Philosophy, politology, sociology, psychology, law, study of international relations), 2007, no. 4, pp. 208–215.
16. Kosikov G. *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma do poststrukturalizma* (The French's semiotic: from structuralism to post structuralism). Moscow, 2000. 536 p.

УДК: 091 + 215

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРЕДМЕТА И МЕТОДОЛОГИИ ТЕОЛОГИИ В ВУЗАХ РФ

Рожков Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуется проблема предмета и методологии преподавания теологии в современных российских светских высших учебных заведениях. Автор раскрывает основное содержание дискуссии среди ученых по этому вопросу и приводит аргументы полемизирующих сторон. По его мнению, для введения предмета

теология имеет основание на уровне исторического международного опыта и дореволюционной традиции университетского образования в России. Им анализируются материалы обсуждения темы на слушаниях Общественной палаты Российской Федерации, где была определена специфика предмета теологии

как дисциплины, ориентированной на изучение религиозных источников, богословской литературы и других материалов религиозной культуры. Автор акцентирует внимание на историко-философском аспекте обоснования особенностей предмета и методологии теологии, которая, с его точки зрения, должна синтезировать принципы и подходы классической, неклассической и постнеклассической философии и методы экзегетики в работе с религиозным литературным и в целом культурным наследием.

Ключевые слова: история философии, теология, методология, традиция, опыт, принцип, подход, теоретическая философия, культура, религия, парадигма, экзегетика, наука, синтез, специфика, предмет.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-306-310

Историко-философское обоснование статуса теологии как дисциплины, преподающейся не в духовно-религиозных, а в светских высших учебных заведениях, целесообразно начинать, как представляется, с выявления особенностей её предмета с учетом ориентации его содержания, в таком случае, на требования государственных стандартов. Это позволит отчетливо уяснить цель и задачи курса в формировании требуемых профессиональных компетенций. Вполне понятно, что целью курса является изучение и освоение студентом методологического ресурса теологии. Такое целевое содержание, по сути, ориентирует на решение двух ключевых задач.

Первая из них может быть обозначена как информационно-теоретическая. Ее решение предполагает получение полной научной информации о принципах, методах и подходах, которые применяются в теологических изысканиях. Вторая имеет основание быть названной по своему характеру практической. В своем решении она требует владения полученной информацией на уровне профессионального использования методологического инструментария в разработке тем теологического содержания.

Следует изначально отметить, что, отвечая на вопрос о специфике предмета университетской и в целом вузовской теологии, нельзя не обратить внимания на проблему самого введения этого предмета в пространство высшего образования России. В этом достаточно сложном для общественного сознания процессе можно выделить два полярных направления.

Представители одного из них позитивно относятся к решению рассматриваемого вопроса, апеллируя к современному международному и дореволюционному российскому опыту. Действительно, преподавание теологии в западноевропейских университетах представляет сложившуюся, не прерывавшуюся со средних веков традицию. В настоящее время – это одно из фундаментальных направлений гуманитарной университетской на-

уки наряду с философией, историей и филологией, реализующейся многочисленными богословскими факультетами, кафедрами, которые опираются на соответствующие библиотечные фонды и научные сообщества. Например, только в Германии, Франции и Швейцарии насчитывается более двадцати факультетов теологии. Аналогичная традиция была характерна и для дореволюционного российского университетского образования. Показательна в этом отношении и история организации Императорского Николаевского Саратовского университета. Согласно «закону об учреждении университета в городе Саратове» в состав первых восьми кафедр включалась кафедра Православного богословия.

С другой стороны, в общественном сознании проявилась и противоположная позиция отрицательного отношения к введению теологии в образовательный процесс высшей школы. Главным аргументом сторонников подобной точки зрения выдвигается утверждение о клерикализации сферы образования. Развернувшаяся полемика требовала уточнения ее предмета и определения научно-рациональных параметров ее методологии. Такая работа осуществлялась и привела ко вполне определенным результатам.

Интересны в этом отношении слушания Общественной палаты Российской Федерации, проведенные 17 марта 2008 г. Тема слушаний «Теология в системе научного знания и образования» четко ориентировала участников на обсуждение возникшей проблемы. Для участия в дискуссии были приглашены представители общественных и религиозных организаций, государственных и научных учреждений, СМИ, известные ученые и богословы. Среди вопросов, отражавших тему слушаний, исходным естественно стал вопрос о предмете теологии. В качестве начального проектного основания декларировалось академическое определение теологии как «системы обоснования религиозных учений о Боге, совокупности выработанных той или иной религией доказательств истинности догматики, религиозной нравственности, правил и норм жизни верующих и духовенства, богоустановленности вероучения и церкви» [1, с. 1245].

Подобное определение предмета, как показали обсуждения, требовало уточнений для уровня светского высшего образования, которые были предложены представителями и богословия, и академической науки. Думается, что оптимальные варианты уточнений предмета вузовской теологии были представлены проректором Московской духовной академии, кандидатом богословия, священником Владимиром Шмалием и заведующим сектором философии религии Института

философии РАН, доктором философских наук В. К. Шохиним. Примечательно, что определение предмета теологии В. Шмалий начинает с принципиального уточнения: «Предмет теологии – не Бог, но мысль и слово о Боге, звучащее в христианской истории» [2, с. 26–27]. Уточнение подобного рода правомерно для русского православного богослова. В нем отражается наследование традиции в ориентации на апофатический подход к проблеме богопостижения. Исходя из заявленной позиции, священник, богослов Шмалий полагает, что теологическое познание «мысли» и «слова» о Боге предполагает изучение богословских, доктринальных, полемических, канонических и литургических литературных памятников, к анализу которых могут обращаться такие гуманитарные науки, как история, языкознание, философия. Философско-историческое обоснование статуса теологии как части теоретического знания осуществляет В. К. Шохин. По его мнению, в текстологических трудах уровня «Суммы теологии» Фомы Аквинского явно просматриваются признаки теоретического знания в широком смысле этой категории. К такому он относит наличие определенных исходных оснований, идеализированных объектов, фундаментальных понятий, способов доказательств, утверждений, выводов. С позиции обозначенного подхода им выделяются два основных компонента, создающих структуру предмета теологии: системообразующие и прикладные дисциплины [3].

Изложенные подходы позволяют включить в учебные планы по теологии как специальные предметы, например, историю теологии, систематическую теологию конфессии, догматическое богословие, нравственное богословие, практическую теологию конфессии и т.д., так и историю философии, теоретическую философию, культурологию, социологию, иностранные языки, историю, основы речевой культуры и другие. Кроме того, в них можно внести и дисциплины, которые необходимы для ориентации современного студента, обучающегося в классическом университете, в основных направлениях развития естественных и точных наук – концепции современного естествознания, экологию, информатику и т.п. Подобное предметное содержание теологического направления, естественно, требует особого подхода к содержанию предмета «методологии теологии». И в этом случае можно согласиться с выводом В. Шмалия о синтетическом характере современной теологии, методы которой, с одной стороны, должны совпадать с методами исторических, философских парадигм, с другой – иметь вполне определенные отличия [2, с. 27].

Необходимо заметить, что рациональным обоснованием использования такого методологи-

ческого инструментария обычно рассматривается принцип дополнительности, который ориентирует на осуществление методологического синтеза в научных исследованиях. Думается, методологически интересно в этом отношении использование диалектического метода Пьером Абелеаром, когда к изложенному положению христианского предания он добавляет другие высказывания из того же предания, которые, как казалось, противоречили друг другу. Затем решалась задача их примирения тремя способами:

через историко-критическое рассмотрение выдвинутых высказываний и исследование их первоначального контекста;

посредством выявления иерархии авторитетности источников с учетом первичности и безоговорочности авторитета Священного Писания;

путем освещения истины положения из Священного предания с точки зрения разума и общих рациональных аргументов.

Примечательно, что связь теологии и гуманитарных наук просматривается в истоках богословского образования в Саратовском государственном университете. Она ярко представлена в научной и просветительской деятельности священника, профессора, заведующего кафедрой православного богословия Императорского Николаевского Саратовского университета в 1910 – 1917 г. А. Ф. Преображенского. По воспоминаниям современников он был человеком эрудированным как в вопросах теологии, так и в области философии, литературы и гражданской (в особенности древней) истории. Вероятно, глубокое понимание специфики гуманитарных дисциплин позволяло ему выступить в качестве профессора-гуманитария с аналитическими докладами, посвященными поэзии М. В. Ломоносова, творчеству М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и наследию других классиков русской литературы. В приведенных примерах можно увидеть начало методологического синтеза для познавательной, исследовательской, учебной и научной деятельности представителей современной теологии в высших светских учебных заведениях. В них просматривается не только возможность, но и два основных компонента синтеза такого уровня: методологический ресурс философских парадигм, с одной стороны, и методология, отражающая «доктринальную норму профессиональной теологии...», – с другой [2, с. 27].

Однако суждения о возможности синтеза подобного рода, как представляется, требуют развернутого обоснования, конкретизирующего выдвинутую выше посылку принципа дополнительности. И это вполне понятно, так как речь идет о действии этого принципа в процессе синтеза методологических ресурсов, возникающих

в исторически разнообразных ареалах мировоззрения: философского и религиозного. Следовательно, нельзя не учитывать историю развития принципов, подходов и методов классической, неклассической и постнеклассической философских парадигм и динамику собственно теологической методологии – иудейской, христианской и исламской экзегетики.

Думается, что в поиске ответа на вопрос о возможности синтеза философской методологии гуманитарных наук и теологии целесообразно обратиться к выявлению тех общих характеристик, элементов и направлений, которые могут составить ингредиенты методологического синтеза. Что касается религиозного мировоззрения на уровне сложных монотеистических доктрин, в частности христианства, то в его основании выделяется вера в божественное первоначало, которая с позиций научно-рационального религиозно-ведческого подхода может интерпретироваться и как религиозное чувство, и как внерациональная (иррациональная) характеристика человеческого постижения «нетварного бытия». В то же время, характеризуя историю процесса познания, философия в качестве его особенности также выделяет наличие иррационального (внерационального) компонента, мотивируя его проявление в познании человеческой субъективностью, которая обуславливается субъектно-субъектной матрицей гуманитарного познавательного процесса и его целевой ориентацией на уникальное, единичное, индивидуальное, личное в тайне человеческой экзистенции [4–6]. Итак, и теология, и философия содержат тождественную внерациональную гносеологическую компоненту как вектор, обозначающий определенное совпадение их предметно-методологической направленности. Необходимо отметить, что термин «тождественность» употребляется в этом заключении не случайно. Тождественность не означает полного равенства внерациональных характеристик теологии и гуманитарных наук. Не следует забывать, что религиозная гносеология заключает стремление постижения «нетварного бытия», тогда как философская, служащая универсальным основанием познавательной деятельности в гуманитарных науках, ориентирует их на познание бытия культурного или, в широком смысле этого понятия, всего, что создал человек. Отсюда, если внерациональный гносеологический компонент представляется как вектор, который обозначает предметно-методологическое направление и в теологии, и в философии, то, полагая возможность совпадения этого элемента, логично обозначить уровень данного совпадения категорией тождества, имея в виду его известную параметральность.

Предварительное изъяснение такого условия тем более необходимо, что искомое совпадение предметной направленности вузовской теологии и гуманитарных наук обнаруживается достаточно явно именно в определенных парадигмальных параметрах. В частности, особенно отчетливо оно просматривается, если предметно-методологическая направленность гуманитарных наук определяется на основании философской парадигмы «affirmo», ориентирующейся на постижение человеческого бытия как бытия культуры. С отмеченных парадигмальных позиций философии культуры очень выразительным представляется определение специфики предмета гуманитарных наук как «выразительного и говорящего бытия» М. М. Бахтиным. Показательно, что критерий научности представляется русскому философу, теоретику европейской культуры в глубине проникновения в это «говорящее бытие», индивидуального проникновения в область откровений и открытий, проникновения как диалога познающего и открываемого [7]. В контексте такой интерпретации специфики познания, осуществляемого гуманитарными науками, логично и заключение М. М. Бахтина о тексте как «первичной данности» для этих наук или той «непосредственной действительности», содержащей энергетику переживаний и мыслей, которая только одна может стать предметным истоком для дисциплин гуманитарного направления [7, с. 299]. Примечательно, что такое понимание предметной направленности гуманитарных наук приводит исследователя и к соответствующему выявлению особенности характера диалогических отклонений внутри текста и между текстами, которые в его видении выражаются в «диалоге и диалектике» [7, с. 300]. Аналогичные характеристики в предметной направленности обозначались ранее в определении предметом теологии не Бога, а «слова о Боге» и, отсюда, в ориентации дисциплинарного содержания предмета на изучение текстов религиозных источников. Не менее значима для выявления общих элементов познавательной деятельности теологии и гуманитарных наук и отмеченная выше попытка П. Абеляра создать методiku использования диалектического метода в работе с текстами Священного Предания.

Как представляется, в вышеизложенных суждениях обозначается методологический уровень коммуникации теологии и философии. Он проявляется не только в приведенном примере использования христианским теологом метода диалектики. Имманентные предпосылки возможности методологического синтеза выражаются в совпадении методологической ориентации философии культуры на множество

пониманий и толкований текстовых смыслов и аналогичной целевой установки христианской экзегетики на толкование смыслов библейского текста. Разумеется, и в этом случае необходимо уточнение. В парадигме философии культуры подразумевается раскрытие смысловых явлений в культурных смысловых контекстах, тогда как христианская экзегетика как раздел богословия занимается толкованием Священного Писания, которое предполагает не выявление в тексте новых смыслов, а правильную передачу смыслов богооткровения. Однако если учесть совпадение в общей ориентации на понимание текстовых смыслов, то обнаруживается своеобразное диффузное пространство в основании методологического синтеза христианской экзегетики и методов философии культуры. Особого внимания в этом отношении, думается, заслуживает герменевтика, среди задач которой выделяется изучение методов экзегетики. Таковы некоторые аргументы относительно возможности методологического синтеза теологии и гуманитарных наук.

В завершение следует отметить, что в истории отечественной философии и русского православия стремление к реализации этой возможности выразилось в русской религиозной философии, которую один из авторитетных российских исследователей С. С. Хоружий характеризует как освоение православия средствами «философского разума» [8]. Думается, что подобное обращение к историческому опыту русских религиозных философов является серьезной аргументацией теоретического статуса теологии.

Список литературы

1. Энциклопедия религий. М., 2008. С. 1520.
2. Шмалий В. К вопросу о предмете и специфике теологии // Теология в системе научного знания и образования. М., 2009. С. 26–27.
3. Шохин В. К. О проблемах интеграции теологии в системе образования и академических наук // Теология в системе научного знания и образования. М., 2009. С. 28–29.
4. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993. 168 с.
5. Кохановский В. П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. Ростов н/Д, 2005. 537 с.
6. Туркулец А. В. Введение в методологию социального познания. Хабаровск, 2004. 168 с.
7. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. 336 с.
8. Хоружий С. С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Вопр. философии. 1991. № 5. С. 27–30.

Historico-philosophical Justification of a Subject and Methodology of Theology in Higher Education Institutions of the Russian Federation

V. P. Rozhkov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

In article the problem of a subject and methodology of teaching theology in modern Russian secular higher educational institutions is investigated. The author discloses the main content of discussion among scientists on this matter and adduces arguments of the polemic parties. In his opinion, for introduction of a subject the theology is available the basis at the level of historical international experience and pre-revolutionary tradition of university education in Russia. He analyzes materials of discussion of a subject at hearings of Civic Chamber of the Russian Federation where specifics of a subject of the theology as disciplines focused on studying of religious sources, theological literature and other materials of religious culture have been defined. The author focuses attention on historic and philosophical aspect of justification of features of a subject and methodology of theology which, from his point of view, has to synthesize the principles and approaches of classical, non-classical and post-non-classical philosophy and methods of exegetics in work with religious literary and in general cultural heritage.
Key words: theology, methodology, tradition, experience, principle, approach, philosophy, culture, religion, paradigm, exegesis, science, synthesis, specifics, subject.

References

1. *Entsiklopediya religiy* (Encyclopedia of religions). Moscow, 2008. 1520 p.
2. Shmaliy V. K voprosu o predmete i spetsifike teologii (To a question of a subject and specifics of theology). *Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya* (Theology in system of scientific knowledge and education). Moscow, 2009, pp. 26–27.
3. Shohin V. K. O problemakh integratsii teologii v sisteme obrazovaniya i akademicheskikh nauk (About problems of integration of theology in an education system and the academic sciences). *Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya* (Theology in system of scientific knowledge and education). Moscow, 2009, pp. 28–29.
4. Ilin V. V. *Teoriya poznaniya. Vvedenie. Obshhie problemy* (Theory of knowledge. Introduction. Common problems). Moscow, 1993. 168 p.
5. Kokhanovskiy V. P. *Filosofskie problemy sotsialno-gumanitarnykh nauk* (Philosophical problems of social and human sciences). Rostov-on-Don, 2005. 537 p.
6. Turkulets A. V. *Vvedenie v metodologiyu sotsialnogo poznaniya* (Introduction to methodology of social knowledge). Khabarovsk, 2004. 168 p.
7. Bahtin M. M. *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* (Author and hero: To philosophical bases of the humanities). St.-Petersburg, 2000. 336 p.
8. Horuzhiy S. S. *Filosofskiy protsess v Rossii kak vstrecha filosofii i pravoslaviya* (Philosophical process in Russia as a meeting of philosophy and Orthodoxy). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 1991, no. 3, pp. 27–30.